

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.13>

УДК 330.101

JEL P1, P4, P5, B4, B5, D24

Благо в системе базовых морально-этических и экономических понятий¹

Евгений П. ДЯТЕЛ ✉ *Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация*

Для цитирования: Дятел, Е. П. (2024). Благо в системе базовых морально-этических и экономических понятий. *AlterEconomics*, 21(2), 413–430. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.13>

Аннотация. Благо было и остается непреходящим предметом человеческих желаний и в этом своем качестве составляет базовую категорию общественности. Вплоть до промышленной революции и возникновения на ее основе развитой рыночной системы хозяйства, благо и его производные — благополучие, благодеяние и др. — рассматривались, в первую очередь, как морально-этические понятия, имеющие отношение к нормативной экономике. Акцент на материальной составляющей блага как ограниченного производственного ресурса и предмета потребления, а также форм собственности на исторически сложившиеся условия и факторы человеческой жизнедеятельности — заслуга классической политической экономии и неоклассики. Целью статьи является исследование двуединой природы блага как морально-этической и экономической категории; рассмотрение путей и способов ее институционализации в нормативной экономике и рыночной системе хозяйства. Объектом исследования выступают морально-этические характеристики блага, которые излагаются в соответствии с получившей мировую известность книгой Дж. Ролза «Теория справедливости», оставшейся малозамеченной в публикациях российских экономистов. Экономическое благо характеризуется с позиций позитивной экономической теории. Теоретико-методологическую базу исследования составляет концептуальный каркас экономической науки, сформированный с учетом современных достижений смежных отраслей общественности (философии, социологии, правового регулирования хозяйственной деятельности). Применяются методы критической оценки и реинтерпретации первоисточников, исторических фактов и экономико-статистических данных. Основным вывод, полученный в результате проведенного исследования, состоит в том, что благо, рассмотренное в качестве морально-этической и экономической категории, выражает диалектику взаимосвязи естественно возникших условий и исторически сформировавшихся факторов общественной жизнедеятельности. Всеобщим условием является природа, или Земля (Land); особенным — технологические и морально-нравственные принципы и правила человеческого поведения; единичные условия специфицируются в форме ограниченных ресурсов (факторов), использование которых определяет общественный характер производства, обмена и потребления экономических услуг.

Ключевые слова: моральное и экономическое благо, принципы справедливости, рациональное поведение, институционализация форм присвоения, экономическая услуга, нормативная и позитивная экономическая теория

Благодарность: Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР Института экономики УрО РАН на 2024 год.

¹ © Дятел Е. П. Текст. 2024.

Goods in the System of Basic Moral, Ethical and Economic Concepts

Evgeny P. DYATEL ✉

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation

For citation: Dyatel, E. P. (2024). Goods in the System of Basic Moral, Ethical and Economic Concepts. *AlterEconomics*, 21(2), 413–430. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.13>

Abstract. The article aims to explore the essence and attributes of “good” as a moral, ethical, and economic category, alongside methods for its institutionalization in normative and market economies. It pursues two main objectives: first, to delineate the moral and ethical dimensions of “good” as per J. Rawls’ seminal work “The Theory of Justice,” which has received limited attention among Russian economists; and second, to examine the economic aspects of “good” from the perspective of positive economic theory. The study employs a theoretical and methodological framework rooted in economic science, drawing from classical political economy and neoclassical perspectives, while integrating insights from philosophy, sociology, and legal regulations of economic activities. Methods of comparative analysis are applied, involving critical evaluations of primary sources, historical facts, and economic statistics. The study concludes that “good,” understood as a moral, ethical, and economic concept, reflects the dialectical interplay between natural conditions, historically shaped social factors, and individual resources (factors). These elements collectively influence the dynamics of production, exchange, and consumption in economic services.

Keywords: principles of justice, rational behavior, moral and economic good, institutionalization of forms of appropriation, economic service, normative and positive economic theory

Acknowledgments: The article is prepared in accordance with the Research Plan of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2024.

1. Введение

Стимулом к написанию данной статьи послужили работы двух уже ушедших из жизни современников. Старший из них — Дж. Ролз (1921–2002), автор «Теории справедливости»¹, в которой «концепция блага» рассматривается с акцентом на ее договорной, морально-этической основе: «Две основные концепции этики — это концепция правильности (*right*) и концепция блага» (Ролз, 1995, с. 35). Младшим современником является Р.М. Нуреев (1950–2023.), памяти которого мы хотели бы посвятить данную публикацию. Он включал благо в систему базовых экономических понятий (Нуреев, 2011, гл. 2). Оба подхода правомерны, но проблема их единства и различия остается дискуссионной и нуждается в дальнейшем выяснении с учетом специфики предмета и метода экономического исследования.

Метод включает в себя руководящие указания и приемы, определяющие условия и ход анализа. То и другое, под различными названиями: принципы, предписания, приоритеты; процедуры, порядок — буквально пронизывают содержание книги Дж. Ролза. Разумеется, он не игнорирует мировоззренческую сторону вопроса. Критически оценивая гедонизм, или «метод от первого лица», Дж. Ролз акцентирует внимание на правилах достижения справедливости: «Мы, следовательно, должны обратить отношение между правильностью и благом, предлагаемое телеологическими доктринами, и считать правильность первичной» (Ролз,

¹ Имя автора нами дается в транскрипции, предложенной в первом русскоязычном издании его книги. Также, и гораздо чаще, оно пишется как Роулз, соответственно, роулианская теория справедливости. Мы будем использовать обе формы написания.

1995, с. 484). В методологическом плане такой подход свидетельствует о приоритете предмета анализа — теории справедливости, хотя и не обосновывает его первичности в историческом контексте — становления и развития «косвенного образа жизни» общественного индивида (Маркс, Энгельс, 1955, с. 19). Цитируемая работа Р.М. Нуреева в большей степени соответствует требованиям, сложившимся в российской экономической литературе, что обусловлено не только спецификой учебного издания (Нуреев, 2011, гл. 1), но также интересом к проблемам методологии, которому он оставался верен на всем протяжении творческой жизни. Наша задача не ограничивается сравнением этих двух подходов. Автор считает возможным высказывать личную точку зрения по затрагиваемым проблемам, в т. ч. методологии научного исследования, что он делал и ранее (Дятел, 2023).

Длительное время обсуждая затронутые проблемы с Р.М. Нуреевым, хотелось бы констатировать единство наших подходов в том, что касается диалектики как метода научного познания, который мы, как и многие из российских коллег, осваивали, обращаясь к логике и структуре «Капитала» К. Маркса и лежащему в его основе творческому наследию в виде экономических рукописей и иных произведений классиков марксизма. Что касается неоклассической экономической теории, я благодарен Рустему Махмутовичу, своевременно присылавшему мне выходящие на русском языке издания Р. Коуза, М. Фридмена, других авторов, не говоря уже о его собственных публикациях по политической экономии, экономике развития, новой институциональной экономике и др. Хотя он был моложе и позже прошел абилитацию на степень кандидата, затем доктора экономических наук, именно его «Курс микроэкономики» стал моим настольным пособием при подготовке лекций. Наши взгляды могли не совпадать, это не становилось препятствием для дружеских отношений, а для меня служило дополнительным стимулом к поиску истины. Хотелось бы надеяться, что предлагаемая статья получит в глазах читателя такую же оценку.

2. Благо как морально-этическая категория

Изучение блага и определение его места в системе этических и экономических понятий восходит к трудам и высказываниям мыслителей античности, а с учетом религиозных и мифологических взглядов на правила совместного проживания, относится к универсалиям человеческого мышления. Впрочем, многое зависит от того, как понимать универсалии и какой онтологический статус им придавать (Левин, 2005, с. 146; Неретина, Огурцов, 2006, с. 11–12), но более подробное и содержательное рассмотрение этого вопроса мы планируем осуществить в дальнейшем.

Дж. Ролз определяет «универсальность» как формальное условие анализа (Ролз, 1995, с. 529). Соответственно, концепция справедливости предстает формально-логическим обобщением «до более высокого уровня абстракции» теории общественного договора: «Точно так же как каждая личность должна решить путем рациональных размышлений, что составляет благо, т. е. систему целей, рациональную для их преследования, так и группа людей должна решить раз и навсегда, что считать справедливым и несправедливым» (Ролз, 1995, с. 26). Стимул и отправной пункт для принятия такого решения возникает не в результате естественных причин или исторических закономерностей, он обусловлен сложившимися обстоятельствами, влияющими или не оказывающими воздействия на формирование личности, менталитет и мировоззрение этнических, национальных, классовых и иных образующих социум групп людей.

Де факто и де юре Дж. Ролз отсекает все недостаточно демократические (недоговорные) формы общественного устройства, скрывая выбор путей социализации и экономического поведения субъектов «занавесом неведения». Правильный выбор становится доступным «для индивидов как моральных личностей, т. е. как рациональных существ..., имеющих свои собственные цели и способных к чувству справедливости» (Ролз, 1995, с. 26–27). Следует отметить, что наличие таких целей не означает признания экономических концепций достижения всеобщего благосостояния, поскольку «утилитаризм — это телеологическая теория, в то время как справедливость как честность таковой не является» (Ролз, 1995, с. 40). По мнению Дж. Ролза: «Вопрос достижения наибольшего чистого баланса удовлетворения никогда не возникает в концепции справедливости как честности; этот принцип максимума здесь совсем не используется». Также «не следует рассматривать склонности и предпочтения людей в качестве уже заданных, каковы бы они ни были, и затем искать наилучший путь их удовлетворения. Скорее, эти желания и устремления ограничены изначально принципами справедливости, устанавливающими границы человеческих систем целей» (Ролз, 1995, с. 40–41). Таким образом, его концептуализм достаточно далеко стоит не только от утилитаризма и завершившей его развитие неоклассики, но и от классической политэкономии, в т. ч. марксизма, ориентированного на поиск материальной субстанции, в которой воплощены и находят свою реализацию цели общественного производства. Субстанциональность в качестве методологического принципа, обеспечивающего единство исследования справедливости как честности, понимается им скорее в позитивистском духе — у Э. Маха это «постоянство связи реакций» познающего индивида (Мах, 2003, с. 44), обнаруживаемое путем формально-логической абстракции.

Дж. Ролз понимает, что равная моральная польза от справедливости как честности может привести к материальному неравенству издержек и результатов при достижении благосостояния индивидов или социальных групп. Однако он не считает неразрешимым противоречие с утилитаризмом при условии расширения круга полезностей путем включения моральных благ, среди которых определяющими следует считать институты справедливости, когда они действуют во имя всеобщих интересов — такова интерпретируемая Дж. Ролзом и поддержанная им позиция Д. Юма и Дж. Локка (Ролз, 1995, с. 39). Правовой механизм (институт) равнообеспечивающего распределения должен учитывать интересы личностей. Используя «для более формального изложения изобретение экономистов — кривую безразличия», он следующим образом оценивает концепцию, основанную на «собираательно-распределительной дихотомии»: «Первый принцип — принцип полезности, действует в этом случае как стандарт эффективности, принуждая нас производить как можно больше, оставляя прочее равным. А второй принцип служит нам стандартом справедливости, ограничивающим преследование совокупного (собирательного) благосостояния и выравнивающим распределение преимуществ» (Ролз, 1995, с. 45)¹.

Правдоподобность данного доказательства нуждается в оценке. Начнем с того, что в экономическом анализе производства используется внешне похожая кривая — изоквант, которая свидетельствует о равенстве издержек при одинаковом выпуске

¹ Равенство как эквивалентность сродни «*equity*» (англ.): справедливость, беспристрастность. «*Aequitas*» (лат.) в античности синоним честной меры: «Справедливость делится на три части так: одна — для богов, другая — для манов, третья — для людей. Первая — благочестие, вторая — почитание предков, третья (*iustitia*) — право и справедливость» (Цицерон, 1994).

с использованием двух факторов — труда и капитала. Остальные факторы (технология; природная составляющая, или Земля) соответствуют анализу при прочих равных условиях. С учетом этого обстоятельства иллюстративный пример Дж. Ролза станет более правдоподобным, если мы найдем предмет, имеющий одинаковую предельную норму замещения — путем удовлетворения платежеспособного спроса как в производстве, так и в личном потреблении. В состоянии равновесия потребителя (это относится и к производственному потреблению) постулируется единая предельная норма замещения, или предельная полезность денег (λ), обеспечивающая равенство условий обмена для любого экономического агента (Нуреев, 2011, с. 124).

Ценность денег регулируется государством — полномочным представителем общественного договора, в рамках которого должны выполняться принципы справедливости. В соответствии с ГК РФ, рубль всегда имеет одну и ту же номинальную стоимость, что делает оправданным приводимое выше умозаключение. Но дальнейший анализ статуса денег позволяет их специфицировать в качестве экономического блага — они, как объект вещного права, относятся к движимому имуществу (ГК РФ, ст. 128, ст. 130), которым без ограничений может распоряжаться его собственник. Возникает коллизия: денежная купюра сообщает, что является собственностью Банка России, при этом ее владелец — физическое или юридическое лицо, имеет право отдавать деньги в аренду (ссуду). Цена ссужаемых денег, или процент за их использование, устанавливается взаимным соглашением двух частных собственников.

Можно предположить, что в «полностью упорядоченном обществе», а именно о нем идет речь в теории справедливости, деньги становятся нормативной величиной, легальное использование которой исключает ссудный процент — таков закон Моисея, запрещающий брать его с единоверцев. Похожие предписания есть в Новом завете и в исламском праве. Но во все времена находились способы обойти указанные заповеди. Вольно или невольно приходится возвращаться к вопросу о соотношении принципов справедливости, основанных на вере в воздаяние за благие дела, и утилитаризма, на котором базируется рыночная экономика, а также процедур их приведения в соответствие друг с другом. Опустим рассуждения на эту тему средневековых схоластов и иных интерпретаторов Божественной справедливости. Как отмечалось, универсализм Дж. Ролза имеет иное обоснование — контракт заключивших общественный договор моральных личностей.

3. Принципы справедливости: их институционализация и границы применения

3.1. Предпосылки анализа: роль интуиции

Прежде чем переходить к «Принципам справедливости» (гл. II), Дж. Ролз излагает основы своей морально-этической концепции: «Наше чувство справедливости вряд ли может быть адекватно передано знакомыми предписаниями здравого смысла или же выведено из более ясных принципов воспитания. Правильное объяснение моральных способностей будет, наверняка, включать принципы и теоретические конструкции, которые выходят далеко за пределы норм и стандартов повседневной жизни» (Ролз, 1995, с. 53). Такой подход закрывает путь для формально-логического обобщения как исчерпывающей процедуры и требует привлечения дополнительных аргументов. При любом уровне абстрагирования от предпочтений и привычек конкретных индивидов актуализируется вопрос: на какой основе должны вырабатываться соответствующие методологические и теоретические установки?

«Занавес неведения» не означает, что индивиды приступают к заключению общественного договора с позиций *tabula rasa*. На протяжении значительной части своего исследования Дж. Ролз вновь и вновь обращается к интуиции как неотъемлемому свойству моральной личности: «любой этический взгляд опирается до некоторой степени на интуицию» (Ролз, 1995, с. 47). Поскольку он не предлагает своей трактовки данного понятия, будем ориентироваться на общепринятое понимание интуиции как недискурсивное (без формально-логических умозаключений) постижение истины. Обращаясь к интуиции — склонностям и задаткам ума, развитию которых способствует чувственный опыт, Дж. Ролз задает условия и предпосылки построения виртуальной, т. е. возможной по сути или эффекту (*virtual... that is so in essence or effect* (Onions et al., 1966))¹ теории справедливости. «Это теория морального чувствования..., устанавливающая принципы, управляющие нашими моральными способностями, или более специфически, нашим чувством справедливости» (Ролз, 1995, с. 55). И хотя подобное умозрение не закрывает путей к институционализации соответствующих принципов и теоретических конструкций, оно ставит вопрос о границах их применения в жизни реального человека. Существует вероятность, что индивиды и целые сообщества в силу физиологических, естественно выросших, моральных и других исторически сложившихся особенностей отклонятся от исповедуемых Дж. Ролзом принципов, руководствуясь соответствующими их образу жизни представлениями. Такими же могут оказаться диктуемые непреодолимыми обстоятельствами поступки адептов договорной концепции справедливости, за исключением встречающихся в любые времена праведников, поведение которых выходит за рамки здравого смысла.

В отличие от «Теории справедливости», «классический утилитаризм пытается, конечно, вообще избегать апелляции к интуиции. Это концепция, формулируемая на базе одного принципа и одного окончательного стандарта; приписывание весов, по крайней мере, в теории, делается с помощью принципа полезности» (Ролз, 1995, с. 48). Последний у Г. Сиджвика получил название универсального гедонизма и был им принят за «нормативную основу организации общества» (Schultz, 2023), что не противоречит обоснованию ценности экономического блага с позиций предельной полезности, преследующего свои интересы индивида.

3.2. Проблема приоритета как исходного пункта вполне упорядоченного общества

По Дж. Ролзу, решая проблему приоритета, «мы, в любом случае, должны полагаться на наши интуитивные способности», соотнося их с особенностями ситуации исходного выбора — в нем предпочтение отдано теории справедливости (Ролз, 1995, с. 49). Кроме того, можно предположить ряд последовательных предпочтений, образующих лексический (лексикографический) порядок, который требует удовлетворить первый принцип, перед тем как мы перейдем ко второму, и так далее: «Принцип не входит в игру до тех пор, пока предшествующие ему либо не были полностью удовлетворены, либо не могли быть применены» (Ролз, 1995, с. 50, 60).

Эти замечания нацелены на выяснение алгоритма установления справедливого общественного устройства, чему посвящена значительная часть книги. Однако, поскольку измерение уровня справедливости во «вполне упорядоченном» обществе трудно отделить от хозяйственных показателей, складывается впечатление,

¹ Onions, C. T., Friedrichsen, G. W. S., & Burchfield, R. W. (Eds.). (1966). *The Oxford dictionary of English etymology* (Vol. 178). Oxford: Clarendon Press.

что лексический порядок выполняет роль субститута экономической информации, представленной на рынке в форме национальной валюты. Дж. Ролз пишет: «Нам вообще не нужно подсчитывать сумму преимуществ с использованием кардинальной меры... Сравнения делаются в терминах ожиданий первичных социальных благ» (Ролз, 1995, с. 90). К ним теперь и следует перейти.

3.3. Первичные социальные блага

По мнению Дж. Ролза: «Первая цель теории — дать критерий блага» (Ролз, 1995, с. 371). При этом в объемном указателе к «Теории справедливости» (с. 511–532) отсутствуют первичные социальные блага, что не предполагает их однозначной спецификации. Отметим, что Дж. Ролз согласен с экономической трактовкой «чисто общественных благ», характеризующихся двумя свойствами: неизбирательностью и неисключаемостью в потреблении (Нуреев, 2011, с. 430). В качестве известных публичных благ он перечисляет национальную оборону, услуги здравоохранения и подчеркивает «главную идею... коллективное благо имеет две характерные черты — неделимость и его коллективный (*publisness*) характер» (Ролз, 1995, с. 239). Но проблема в том, что отрицательных характеристик недостаточно для верификации первичных социальных благ и приходится прибегать к деонтологическим определениям. Остановимся на них более подробно.

Деонтология — нормативная этическая теория, в которой нравственность поступка должна основываться на оценке — является ли он правильным или неправильным в соответствии с рядом принципов и правил, а не основываясь на последствиях действия. Дж. Ролз предполагает, что «стороны не знают своих концепций блага или своих психологических склонностей», которые скрываются за занавесом неведения (Ролз, 1995, с. 26). В ситуации исходного выбора предпочтение отдано теории справедливости, принципы и последующие правила их использования должны согласовать между собой участники общественного договора.

Исследователю, воспитанному в традициях позитивной экономической теории, может показаться странным и даже невозможным определение предмета анализа в категориях долженствования. Хотя нормативная экономика не является чем-то выходящим за рамки реальной истории человечества и ее элементы сохраняются в различных экономических системах, нелегко найти признанные научным сообществом современные теоретические исследования, посвященные ее основам и особенностям функционирования в различных общественных условиях. Теория справедливости вносит свой вклад в решение этой назревшей проблемы. Но для начала попробуем уточнить, что все-таки Дж. Ролз понимает под благом как предметом исследования, какие методологические принципы и приемы использованы при его выведении. Ученый пишет: «Первичные социальные блага, если уступить место более определенным категориям, включают права и свободы, возможности, доходы и богатство. (Очень важное первичное благо представлено чувством собственного достоинства...). Очевидно, что в общем эти вещи подходят под описание первичных благ. Они являются социальными благами в плане их связи с базисной структурой. Свободы и возможности определяются правилами главных институтов, и распределение доходов и богатства регулируется ими» (Ролз, 1995, с. 90).

Нам приходилось отмечать, что представители экономической науки начинали с остенсивных (общеупотребительных) понятий, указывающих на важнейшее свойство эмпирически наблюдаемого объекта (Дятел, 2022, с. 61). По К. Марксу:

«Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря ее свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности» (Маркс, 1960, с. 43). Насколько такой подход применим к деонтологическому понятию блага?

Вернемся к Дж. Ролзу: он не столько обосновывает, сколько перечисляет, т. е. указывает на первичные социальные блага. Полученная выборка позволяет ему найти искомый критерий, подкрепленный «аристотелевским» принципом мотивации: «Если мы установили, что объект обладает такими свойствами, которые рационально желать для человека с рациональным жизненным планом, то мы показали, что он является для такого человека благом. И если некоторые виды вещей вообще удовлетворяют этому условию для людей, то эти вещи суть человеческие блага. Мы хотим быть также уверены, что свобода и возможности, а также чувство нашего собственного достоинства относились к этой категории» (Ролз, 1995, с. 353). В результате «первичными благами должны оказаться такие вещи, которые вообще необходимы для успешного осуществления этих планов, какова бы ни была особая природа плана и его конечных целей» (Ролз, 1995, с. 361). Такое определение не слишком расходится с остенсивными понятиями. Впрочем, по нашему мнению, автор не довел до логического конца родовую характеристику первичного социального блага.

Мы согласились с тем, что рациональность и справедливость являются универсалиями общественной жизни человека. Полнота их реализации зависит от исторически складывающихся обстоятельств, влияющих на экономическое содержание присваиваемого объекта — блага, и правовую (институциональную) форму предмета — общественную полезность блага как востребованного результата человеческих желаний и деятельности. Эта проблема остается актуальной не только в рамках «Теории справедливости», внесшей свой вклад в ее исследование, но и для всей теоретической экономики.

4. Институционализация полезности в форме экономической услуги

В приведенной выше цитате К. Маркса объект исследования — прежде всего внешний предмет, вещь¹. У современников «Капитала» не могло даже возникнуть желания отождествить «вещь» с ее свойствами. Получив классическое образование, они знали: «Аристотель предложил для решения этой задачи два критерия, остающиеся основными и сегодня: 1) вещь существует в пространстве-времени самостоятельно, признак — лишь в составе вещи; ... 2) признак характеризует вещь, придает ей определенность, обратное же невозможно — вещь не может быть признаком признака...»² — в нашем случае полезного для человека свойства объекта. К сожалению, в российском обществоведении сохраняется восходящее к советской статистике деление экономической деятельности на производственную и непроизводственную, отсюда тенденция к идентификации блага с натуральной, вещественно-энергетической основой. Даже Р. М. Нуреев, имевший широкую методоло-

¹ Нам неоднократно приходилось излагать свою позицию по различению объекта и предмета исследования в связи с тем, что в словаре иностранных слов, англо- и немецко-русских словарях эти понятия отождествляются. По нашему мнению, объект составляет часть бесконечно многообразной окружающей реальности, тогда как предмет указывает на интересующее исследователя свойство объекта. В данном случае таким свойством является «внешний», что позволяет его охарактеризовать как «вещь», обособленный элемент окружающей действительности.

² Новая философская энциклопедия. <https://rus-new-philosophia-enc.slovaronline.com/> (дата обращения: 25.01.2024).

гическую и теоретическую подготовки и глубокую экономическую интуицию, отдал дань этому стереотипу: «Средства, удовлетворяющие потребности называются благами (*goods*). Одни из них имеются в почти неограниченных масштабах (например, воздух), другие — в ограниченном размере. Последние называются экономическими благами. Они состоят из вещей и услуг» (Нуреев, 2011, с. 45). Такая формулировка допустима, если пояснить, что размер масштабируется в натуральных и экономических, т. е. стоимостных единицах. Но учебники как логически обоснованная форма изложения упорядоченной совокупности объективных научных истин (Больцано, 2003, с. 54) требуют более тщательного редактирования. Читатель нуждается в прямом указании к пониманию полезности как услуги, представляющей собой феномен трансформационной и транзакционной деятельности общественного индивида. Оба этих процесса: потребление, включая производственное, и транзакции, — имеют своей целью извлечение полезных свойств из внешних предметов. Особенность заключается в общественном характере присвоения, сопровождающемся возникновением отношений собственности. Неслучайно в мировой экономической литературе речь идет об услугах факторов производства (труда, земли и капитала), а также предметов личного потребления, подтверждающего их роль в создании национального дохода или ВВП.

Предоставление услуги сопровождается материальным и духовным потреблением имеющихся благ, от которого следует отличать физический и моральный износ используемых объектов собственности. Оба процесса находят свое отражение в стоимостных издержках и сказываются на ценообразовании, составляющем специфический предмет экономической науки и требующем особых подходов и методов исследования, что неоднократно отмечается и Дж. Ролзом. Но прежде следует хотя бы вкратце коснуться затронутой нами и пока нерешенной проблемы институционализации и практического применения принципов справедливости.

5. Институционализация норм справедливости в рыночной экономике

Большая часть книги Дж. Ролза посвящена институтам (ч. 2) и целям (ч. 3), которые преследуют граждане «вполне упорядоченного общества». В соответствии с объемом и жанром статьи у нас нет возможности и необходимости для подробного рассмотрения поставленных им проблем. Отметим лишь, что после выхода в свет «Теории справедливости» (1971 г.) Дж. Ролз стал одним из самых цитируемых современных философов и социологов. Естественным результатом столь широкого интереса научного сообщества стали, с одной стороны, критические высказывания специалистов, с другой, сопоставление его теоретических выводов с практикой договорных отношений между экономическими агентами, в т. ч. находящимися на разных полюсах наемными работниками и работодателями.

5.1. Критика книги Дж. Ролза

Критические замечания высказывались едва ли не с момента выхода *Opus magnum* Дж. Ролза. Их авторы — известные политические философы, экономисты, представители других разделов обществознания. Так, А. Блум, наряду с оценкой книги как самого амбициозного политического проекта в академической философии, счел, что в нем не объяснено «естественное право», а сам Дж. Ролз превращает общественный договор в искусственное соглашение между абстрактными индивидами (Bloom, 1991; 1975). Р. Нозик критикует роулзианский подход к «рас-

пределительной справедливости» (Nozick, 1993). К. Эрроу и Д. Харсаньи раскритиковали допущения исходной позиции, в частности использование рассуждений *maximin*, подразумевая, что выбор ее параметров ориентирован на результат, т. е. рассчитан на выведение двух принципов, которые Дж. Ролз желал продвигать, тогда как люди в исходной позиции на самом деле не выбрали бы принципы, которые он отстаивает (Arrow, 1973; Harsanyi, 1975). Интерес к концепции Дж. Ролза не угасает и в XXI в. (Sen, 2009). Современные авторы находят новые аргументы, показывающие, по их мнению, ограниченность рассматриваемой концепции и необходимость ее трансформации с учетом особенностей, например, истории многогласового гражданского общества (Mills, 2017).

Российскому читателю «Теория справедливости» стала доступна в 1995 г. после выхода в свет в качестве научного издания небольшим тиражом. Ее влияние на отечественные экономическую науку и образование оказалось исчезающе малым, чему были объективные и субъективные причины. Российские наука и реальная экономика перестраивались в направлении открытой системы, в которой господствуют основанные на обратных связях законы рынка. Хотя влияние государственного сектора оставалось очень значимым, положения нормативной экономики, среди которых ведущее место занимает справедливость, отходили на второй план в сравнении с потребностями рационального хозяйствования. К настоящему времени стало окончательно ясно, что две важнейшие универсалии человеческой жизнедеятельности, обсуждению которых посвящена книга Дж. Ролза, находятся в диалектическом единстве, и нет необходимости в их формальном противопоставлении. Напротив, нужно решать сложнейшую задачу соответствия справедливости и рациональности в различные эпохи, извлекая положительные уроки из трагических ошибок человеческой истории.

Возвращаясь к критическим замечаниям в адрес «Теории справедливости», присоединимся к мнению, что главной ее методологической и теоретической проблемой стала абсолютизация конечной цели — общественного договора как некоего исходного соглашения между абстрактными индивидами: «Основная идея справедливости как честности... в том, что принципы справедливости — это те, которые были бы приняты рациональными личностями в исходном положении равенства... Наш образ жизни, каковы бы ни были конкретные обстоятельства, всегда должен соответствовать принципам справедливости, которые формируются независимо» (Ролз, 1995, с. 383, 392). Комментируя данное положение, нам трудно согласиться с тем, что «в справедливости как честности не следует рассматривать склонности и предпочтения людей в качестве уже заданных, каковы бы они ни были, и затем искать наилучший путь их удовлетворения. Скорее, эти желания и устремления ограничены изначально принципами справедливости, устанавливающими границы человеческих систем целей» (Ролз, 1995, с. 41). Последние, по нашему мнению, разнятся не только у индивидов, но и у вполне упорядоченных обществ, границы которых «заданы представлением об изолированном национальном сообществе» (Ролз, 1995, с. 400). Можно указать немало сообществ, построенных в соответствии с «разными концепциями справедливости» — в том виде, как их понимали отцы-основатели. Все они также соответствовали требованию «ранжирования социальных форм, рассматриваемых в качестве закрытых систем» (Ролз, 1995, с. 233). Однако неприспособленные к интеграции внешних факторов и воздействий закрытые системы общественной жизнедеятельности рано или поздно были разрушены и преданы забвению.

В качестве примера искусственного договорного соглашения упомянем «республику иезуитов» в Парагвае (1609–1768 гг.) (Авоу, 1995). Основанная на девственной территории, она насчитывала 30 поселений (редукций), в которых проживало около 100 тыс. обращенных в христианство индейцев-гуарани. Каждое поселение возглавлял священник-иезуит, выполнявший как духовные, так и административные функции. Жители редукций не знали частной собственности, сообща работали на плантациях и в мастерских, привлекались к управлению и вооруженной защите поселений. Их существование закончилось после 1767 г., когда король Карл III издал декрет об изгнании иезуитов из Испании и всех ее колоний: земли и имущество иезуитов перешли испанской короне, а оставшиеся в редукциях индейцы-гуарани в результате подавления их вооруженного сопротивления были подчинены колониальным властям.

Второй пример начнем с рассмотрения болезненного вопроса о национал-социализме, объединившем большинство избирателей Германии, которые жаждали справедливости во вполне упорядоченном обществе и привели к власти Адольфа Гитлера (Эйнхорн, 2022, с. 473). Если бы они могли прочесть книгу Дж. Ролза, они, вероятно, подтвердили: «Кто считает, что предрасположенность действовать справедливо, не является для них благом ..., их природа — их несчастье» (Ролз, 1995, с. 497). Можно возразить, что «моральные концепции должны быть справедливы во всех возможных мирах» (Ролз, 1995, с. 144). Но эта максима относится к гипотетическому «времени века разума» (Ролз, 1995, с. 34). Попытку его построения предприняло относительно изолированное иудейское сообщество, или «люди книги», чья задача состояла в постижении и сбережении универсальных Божественных истин¹. Е. Эйнхорн напишет: «Наш народ рос в гетто, наше мировоззрение сформировалось в гетто, пятьдесят поколений евреев были вынуждены жить в этой среде... Я горд, что многие из нас упорно сохраняли религию, традицию и культуру, только так мог выжить народ, хотя подчас было довольно легко избежать дискриминации и гонений» (Эйнхорн, 2022, с. 216–217). С последним можно согласиться, но любой экономист скажет, что самая благая цель должна соотноситься с ресурсами и учитывать пути и методы, необходимые для ее достижения. Потребности развивающегося и возрастающего в своей численности еврейского населения объективно требовали выхода за черту оседлости, что не могло не порождать конфликтов с руководствующимся своими представлениями о справедливости национальным большинством стран, в которых располагались эти гетто.

Дж. Ролз задумывался над решением похожей проблемы — каким путем благие намерения, воплощенные в принципах справедливости, находят выражение в детерминируемой природой и хозяйственным окружением жизнедеятельности человека? Он цитирует этологов, исследующих эволюцию поведенческих механизмов: «Мы можем, однако, спросить, как человеческие существа обрели природу, описываемую этими психологическими принципами. Теория эволюции предлагает ответ, согласно которому это есть результат естественного отбора; способность к чувству справедливости и моральным чувствам представляет собой адаптацию человечества к его месту в природе. ... эти поведенческие структуры эволюционируют точно так же, как органы и кости» (Ролз, 1995, с. 435–436). В том же направлении развивается мысль ученых, исследующих эпифилогенез, или коэволюцию человека и техники

¹ В иудаизме термин «Люди книги» был использован для обозначения еврейского народа по отношению к Торе или ко всей еврейской Библии (Jeffrey 1996, p. XIII).

(Stiegler, 1998.), которая, по нашему мнению, неотделима от трансформирующихся производственных отношений. Такая постановка выявляет резервы для исследования самых актуальных проблем современности, например, образа жизни людей в условиях цифровой экономики и прогрессирующего развития искусственного интеллекта (Барыбина, 2022), и цитируемые авторы могли бы внести свой вклад в дальнейшее развитие понятийного аппарата и перспективных направлений теоретического анализа в координации с прикладными экономическими исследованиями.

Уместно отметить, что в начале нулевых годов XXI в. на эти проблемы обратил наше внимание соруководитель уральского раздела Alexander-Herzen-Program (1999–2005 гг.), заведующий кафедрой экономики предприятия Европейского университета Виадрины (Франкфурт-на Одере) профессор К. Рихтер, охарактеризовавший значение, которое «Теория справедливости» приобрела в глазах европейских ученых и предложивший перевести и опубликовать статью германского профессора Ф. Хелмедага «Справедливая заработная плата: нормы и факты» (Helmedag, 2003). Немаловажным стимулом для нас стало знакомство с другими публикациями Ф. Хелмедага, в которых он, вплоть до сегодняшнего дня, обращается к сравнительному анализу трудов К. Маркса, микро-макроэкономических, а также смежных институционально-правовых исследований.

5.2. Институционализация норм справедливости в отношениях экономических агентов

Отметим точное воспроизведение и глубокое понимание основных положений книги Дж. Розла автором вышеупомянутой статьи. Они проверяются на соответствие достижениям классики и неоклассики, сопоставляются с данными экономической статистики и результатами социологических исследований. В ней «предложены правила, в соответствии с которыми должна выводиться справедливая заработная плата». Были установлены «индексы, которые позволят смоделировать пригодные для практического использования в политике доходов основополагающие зависимости. Желая подвергнуть эти результаты критике, должен назвать иные, более убедительные, принципы функционального распределения доходов» (Хелмедаг, 2003, с. 24). Характеризуя абстрактно понимаемую справедливость и эффективность, «когда начинают обсуждать, что в каждом конкретном случае подразумевается под формулой «каждому свое», Ф. Хелмедаг отмечает, что «полярные позиции не могут обогатить дискуссию о справедливости профессиональными выводами» (Хелмедаг, 2003, с. 22). При обсуждении спорного вопроса выявляется, что целесообразно устанавливать определенные «разумные» соотношения между экономическими величинами. При этом автор в значительной степени ориентируется на роулзианские принципы: «Новаторство Роулса состоит, разумеется, не столько в конкретном результате его исследования, сколько в методе, которым его можно достигнуть. Искомые пропорции должны быть выражены так, чтобы любое одностороннее отклонение от достигнутого в результате переговоров уровня заработной платы расценивалось как произвол. В этом случае тарифные партнеры, хорошо знающие, на чьей они стороне находятся, свидетельствуют о справедливости найденного «за зеленым столом» решения. Едва ли можно теперь отказаться от компромисса» (Хелмедаг, 2003, с. 24).

Комментируя последнее, отметим, что речь не идет столько об опровержении «полярных позиций», представленных в трудах К. Маркса и Ф. Хайека, сколько о необходимости уделять внимание разумным пропорциям величин: во-пер-

вых, минимальному уровню заработной платы $[a]$, потенциально достаточному для привлечения работников, во-вторых, разнице между нею и оговоренным в контракте вознаграждением $[w]$, что составит излишек с точки зрения наемного работника $[w - a]$. «Трудовой договор будет подписан им, если разница $w - a$ будет положительной. Капиталистическая справедливость требует, чтобы выгода исполнителя работы совпадала с ее результативностью для других, внутренняя и внешняя нормы прибавочной стоимости должны совпадать (Хелмедаг, 2003, с. 26).

Приводя соответствующее математическое обоснование, автор заключает, что речь идет о знаменитой формуле справедливой заработной платы при фиксированном прожиточном минимуме и заданном производстве продукта на душу населения Й. Г. фон Тюнена (1783–1850), но, считая ее обоснование достаточно проблематичным, он делает следующий шаг: «Очевидно, минимальная заработная плата a^* зависит теперь от среднего дохода u ; представление о чисто физической детерминации доходов следует интерпретировать с позиций справедливости. Само собой разумеется, что должна быть достигнута такая производительность труда, при которой можно отказаться от абсолютизации тезиса о минимальной заработной плате, необходимой для сохранения и поддержания рабочей силы» (Хелмедаг, 2003, с. 27).

К. Маркс, исходя из определения стоимости товара как затрат рабочей силы в «физиологическом смысле слова», что теоретически позволяло свести зарплату к возмещению этих затрат, отмечает: «Стоимость рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент». Это наблюдение, казалось бы, прокладывает путь к иным, более современным интерпретациям доходов наемных тружеников и предпринимателей. «Однако, — пишет Маркс далее, — для определенной страны и для определенного периода объем и состав необходимых для рабочего жизненных средств в среднем есть величина данная» (Маркс, 1960, с. 182). Использование средних показателей неизбежно приводит к игнорированию экономических интересов конкретных индивидов, каждый из которых находится в своем естественно и исторически сложившемся статусе. Средняя цена услуг рабочей силы противоречит неоклассическим предположениям о предельной тягости труда, соизмеряемой с предельной полезностью продукта, созданного для потребления или обмена (Jevons, 1924, p. 165–168).

Реально существующая самоорганизация открытой рыночной экономики приводит к тому, что наемный труженик может одновременно быть предпринимателем. Например, в Германии находящийся в стенах предприятия станок или иное технологическое оборудование нередко принадлежит работнику, что усиливает его позиции «за зеленым столом» переговоров. Суть даже не в формальной принадлежности станка. Нам известен случай, когда в СССР в период господства государственной собственности на ключевые средства производства, на СИЗе (Свердловском инструментальном заводе) высококвалифицированный станочник, работавший на японском шлифовальном станке с нулевым допуском, добивался оплаты, соответствующей предельной производительности своего труда. Правда, шли уже 80-е гг. прошлого века, в этот период активно внедрялся хозрасчет на основе делегирования прав владения и пользования средствами производства нижестоящим хозяйственным звеньям. Наряду с утопическими ожиданиями демократизации социалистической экономики, каковых не чужды многие теоретики-обществоведы, включая Дж. Ролза, хозрасчет позволял энергичным людям добиваться личной выгоды при распределении избыточного продукта. По-видимому, такую ситуацию имел в виду Ф. Хелмедаг, констатируя, что «обра-

щение к «справедливости» становится зачастую риторикой, призванной представить действия, служащие собственным интересам, вкладом в повышение общественного благосостояния» (Хелмедаг, 2003, с. 22). Это не стало поводом к отмене «марксистского» подхода.

Среди всех представителей классической политической экономии К. Маркс наиболее последовательно и логично реализует тезис о трудовой субстанции стоимости. Ее можно оценивать с позиций конструктивной критики, что позволяет не отказываться от использования эвристического потенциала историко-материалистического метода (Дятел, 2018). И спустя время, через 16 лет, Ф. Хелмедаг напишет: «Анализ капитализма Марксом и Кейнсом хорошо дополняют друг друга. В рамках общей модели, включающей государственный сектор и международную торговлю, показано, что трудовая теория стоимости обеспечивает прочную основу для выявления факторов, влияющих на занятость. Рабочие покупают предметы первой необходимости за счет своей располагаемой заработной платы в интегрированном базовом секторе, в то время как доходы подразделения «предметов роскоши» поступают из других источников дохода... В конечном счете, эффективный спрос определяет объем работы. Исходя из этого, намечаются последствия для экономической политики» (Helmedag, 2019, p. 360).

На наш взгляд, в работах Ф. Хелмедага достаточно убедительно верифицированы, с привлечением данных экономической статистики и социологических исследований, важные положения «Капитала» К. Маркса, микро-макроэкономики и «Теории справедливости» Дж. Ролза. К вытекающим отсюда практическим выводам мы считаем возможным присоединиться.

6. Заключение

Верификация, вне зависимости от количества привлекаемых эмпирических свидетельств и статистических данных, не является исчерпывающим доказательством научной истины. Цель науки — обнаружение нерешенных проблем и путей их изучения, что предполагает фальсификацию теории. Это актуально не только для марксистского учения, которое, по мнению В.И. Ленина, было «всесильно, потому что оно верно» (Ленин, 1973, с. 40–48). Для роулзианской теории справедливости пробным камнем становится определение статуса блага в качестве морально-этической и экономической категории, характеризующей диалектику индивидуальных предпочтений и социальных условий человеческой жизнедеятельности. С этой целью мы рассмотрели гипотезу о том, что «благо есть удовлетворение рационального желания» при «заданных разумных благоприятных обстоятельствах» (Ролз, 1995, с. 91). Мы позволили себе не согласиться, что подобная рациональность заведомо приводит к честной справедливости. Любой поступок влияет на имеющиеся обстоятельства, и человек, не всегда осознанно, вынужден или приспособливаться к ним, или манипулировать чужим поведением. Даже бездействие покажется нечестным, если некто рассчитывает на определенные поступки контрагента, которые в реальности определяются его интересами, рыночной обратной связью, требованиями технологии, условиями окружающей природной и социальной среды и т. д. По этим причинам нередко обнаруживается расхождение между морально-этическими и экономическими целями человеческой деятельности.

Заметим, что если «справедливость — первая добродетель общественных институтов, точно так же как истина — первая добродетель систем мысли» (Ролз, 1995,

с. 19), то экономическое благо — первая добродетель хозяйственной деятельности, определяющей сам факт существования и материальные условия дальнейшего развития общества. Принимая эту максиму, нам следует обратиться к проблеме учета натуральных и стоимостных характеристик экономического блага как феномена трансформационной и трансакционной деятельности, и лишь после этого мы сможем вернуться к морально-этическим оценкам условий его распределения.

Актуальность данной проблемы вызвана необходимостью оптимального удовлетворения потребностей при ограниченных ресурсах. Критерием для выбора линии поведения отдельных людей и человеческих сообществ выступают их предпочтения, которые соотносятся с имеющимися возможностями. Это соотношение может оцениваться с ординальных (порядковых) и кардинальных (количественных) позиций. Ординальные оценки распространяются на условия человеческой жизнедеятельности, которые могут быть всеобщими, общими (особенными) и единичными. Всеобщим условием жизнедеятельности является Природа со своими атрибутами и элементами, обеспечивающими происхождение и существование человека. Их кардинальное измерение доступно в натуральных единицах (пространства и времени, вещества и энергии, информации, различного рода естественно возникших образований).

К особым условиям мы отнесем исторически сформировавшиеся свойства и элементы человечества, без которых невозможна социализация индивидов и создаваемых ими сообществ. Согласимся с Дж. Роузом, что к «первичным социальным благам» применим ординальный подход, «лексикографически» определяющий предпочтения людей. Примером можно считать семейную и родовую организацию первобытного общества, определяющую условия его существования (территорию, включая ресурсы; предотвращение инбридинга, возникающего в результате близкородственных связей, и др.). Экономические блага присваиваются посредством орудий и технологий, специфицирующих трансформационную и трансакционную деятельность человека и характеризующих его, группу индивидов или общество в целом как хозяйствующих агентов. Этой деятельности соответствует кардинальный способ измерения экономических благ, вне зависимости используются ли технологические или ценовые единицы. Важно понимать, что кардинальные оценки не отменяют ординальные предпочтения, определяющие, на что будет потрачена та или иная сумма эквивалента: рабочего времени, золотых слитков или иных вещей, имеющих меновую (всеобщую потребительную) стоимость и приобретающих форму денег (Маркс, 1960, с. 75–80). Верно и обратное — в лексикографических оценках учитываются натуральные показатели (весовые, пространственные, временные), во многом определяющие физиологические и социально обусловленные приоритеты индивидов.

Приводимая краткая характеристика места и роли экономических благ не претендует на статус исчерпывающего вывода по затронутой нами проблеме. Желаясь ознакомиться с имеющимися в этой области научными достижениями можно обратиться, наряду с трудами классиков, к более современным произведениям зарубежных авторов (Samuelson, 1969; Shmanske, 1991; von Delhaes, 1993). В отечественной литературе рассмотрению экономического блага уделяли серьезное внимание А.Я. Рубинштейн (2008) и многие другие исследователи (см.: Сорокин, 2010). Но, конечно, осталось немало спорных вопросов, которые нуждаются в дальнейшем обсуждении и новых публикациях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Барыбина, А. З. (2022). Цифровые платформы метавселенных как цифровой двойник. *Искусственные общества*, 17(4). <https://doi.org/10.18254/S207751800022959-3>
- Больцано, Б. (2003). *Учение о науке (Наукоучение). Избранное*. Санкт-Петербург: Наука, 519.
- Дятел, Е. П. (2018). Обоснование диалектики экономического развития в «Капитале» Карла Маркса. *Экономика региона*, 14(3), 711–724. <https://doi.org/10.17059/2018-3-3>
- Дятел, Е. П. (2022). Где проходит передний край экономической науки? *Управленец*, 13(3), 57–66. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2022-13-3-5>
- Дятел, Е. П. (2023). «Концептуальный каркас» экономической теории: история, потенциал, перспективы использования. *AlterEconomics*, 20(3), 527–547. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.3>
- Левин, Г. Д. (2005). *Проблема универсалий. Современный взгляд*. Москва: КАНОН+, 224.
- Ленин, В. И. (1973). Три источника и три составные части марксизма. *Полн. Собр. Соч. Т. 23*. 5-е изд. (с. 40–48.) Москва: Гос. изд-во полит. лит.
- Маркс, К. (1960). *Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Книга I. Сочинения. Т. 23* (с. 5–907). Москва: Государственное издательство политической литературы.
- Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955). *Немецкая идеология. Сочинения. Т. 3* (с. 7–544). Москва: Государственное издательство политической литературы.
- Мах, Э. (2003). *Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования*. Москва: БИНОМ. Лаборатория знаний, 456.
- Неретина, С. С., Огурцов, А. П. (2006). *Пути к универсалиям*. Санкт-Петербург: РХГА, 999.
- Нуреев, Р. М. (2011). *Курс микроэкономики*. 3-е изд. Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 561.
- Ролз, Дж. (1995). *Теория справедливости*. Пер. с англ. Науч. ред. и предисл. В. В. Целищева. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 536.
- Рубинштейн, А. Я. (2008). *К теории рынков «опекаемых благ»* (научный доклад). Москва: Институт экономики РАН, 63.
- Сорокин, Т. А. (2010). Благо как экономическая категория в современной экономике. *Вестник СГСЭУ*, (3(32)), 24–26.
- Хелмедаг, Ф. (2003). Справедливая заработная плата. *Известия Уральского государственного экономического университета*, (7), 21–31.
- Цицерон, М. Т. (1994). *Эстетика: трактаты, речи, письма*. Москва: Искусство, 543.
- Эйнхорн, Е. (2022). *Избранный выжить*. Москва: Рипол Классик, 480.
- Abou, S. (1995). *La république jésuite des Guaranís (1609–1768) et son héritage*. Paris: Librairie Académique Perrin [etc.], 160.
- Arrow, K. J. (1973). Some Ordinalist-Utilitarian Notes on Rawl's Theory of Justice. *The Journal of Philosophy*, 70(9), 245–263. <https://doi.org/10.2307/2025006>
- Bloom, A. (1975). Justice: John Rawls Vs. The Tradition of Political Philosophy. *American Political Science Review*, 69(2), 648–662. <https://doi.org/10.2307/1959094>
- Bloom, A. (1991). *Giants and Dwarfs: Essays 1960–1990* (pp. 315–415). New York: Simon & Schuster.
- Harsanyi, J. C. (1975). Can the Maximin Principle Serve as a Basis for Morality? A Critique of John Rawls's Theory. *American Political Science Review*, 69(2), 594–606. <https://doi.org/10.2307/1959090>
- Helmedag, F. (2003). Faire Löhne: Normen und Fakten. *Perspektiven der Wirtschaftspolitik*, 4(1), 17–28. <https://doi.org/10.1111/1468-2516.t01-1-00003>
- Helmedag, F. (2019). Marx and Keynes: From Exploitation to Employment. *European Journal of Economics and Economic Policies: Intervention*, 16(2), 260–271. <https://doi.org/10.4337/ejeep.2019.0048>
- Jeffrey, D. L. (1996). *People of the Book: Christian Identity and Literary Culture*. Grand Rapids: Eerdmans, 396.
- Jevons, W. S. (1924). *The Theory of Political Economy*. London: Macmillan, 339.
- Mills, C. W. (2017). *Black Rights/White Wrongs: The Critique of Racial Liberalism*. New York: Oxford University Press, 304.
- Nozick, R. (1993). *Anarchy, State, and Utopia* (pp. 183–231). Oxford: Blackwell Publishers.

Samuelson, P. A. (1969). The Pure Theory of Public Expenditures and Taxation. In J. Margolis and H. Guitton (Eds.), *Public Economics*.

Schultz, B. (2023). Henry Sidgwick. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. In Edward N. Zalta, Uri Nodelman (Eds.). <https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/sidgwick/> (Date of access: 25.01.2024).

Sen, A. (2009). Rawls and Beyond. *The Idea of Justice* (pp. 52–74). New York: Belknap Press (Harvard University Press).

Shmanske, S. (1991). *Public Goods, Mixed Goods, and Monopolistic Competition*. College Station: Texas A&M University Press, 225.

Stiegler, B. (1998). *Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus*. Stanford: Stanford University Press, 316.

von Delhaes, K. (1993). Organising the Supply of Public Goods in the Transition Process. *Communist Economies and Economic Transformation*, 5(1), 87–101. <https://doi.org/10.1080/14631379308427746>

References

Abou, S. (1995). *La république jésuite des Guaranís (1609–1768) et son héritage*. Librairie Académique Perrin [etc.].

Arrow, K. J. (1973). Some Ordinalist-Utilitarian Notes on Rawl's Theory of Justice. *The Journal of Philosophy*, 70(9), 245–263. <https://doi.org/10.2307/2025006>

Barybina, A. Z. (2022). Digital Platforms of the Metaverses as a Digital Twin. *Iskusstvennye obshchestva [Artificial Societies]*, 17(4). <https://doi.org/10.18254/S207751800022959-3> (In Russ.)

Bloom, A. (1975). Justice: John Rawls Vs. The Tradition of Political Philosophy. *American Political Science Review*, 69(2), 648–662. <https://doi.org/10.2307/1959094>

Bloom, A. (1991). *Giants and Dwarfs: Essays 1960–1990* (pp. 315–415). Simon & Schuster.

Bolzano, B. (2003). *Uchenie o nauke (Naukouchenie)*. *Izbrannoe [Theory of Science. A Selection]*. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russ.)

Cicero, M. T. (1994). *Estetika: traktaty, rechi, pis'ma [Aesthetics: treatises, speeches, letters]*. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russ.)

Dyatel, E. P. (2018). Theoretical Foundation of Dialectics of Economic Development in Karl Marx's Capital. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 14(3), 711–724. <https://doi.org/10.17059/2018-3-3> (In Russ.)

Dyatel, E. P. (2022). Where are the Frontiers of Economics? *Upravlenets [The Manager]*, 13(3), 57–66. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2022-13-3-5> (In Russ.)

Dyatel, E. P. (2023). “Conceptual Framework” of Economic Theory: History, Potential, and Prospects of Application. *AlterEconomics*, 20(3), 527–547. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.3> (In Russ.)

Einhorn, E. (2022). *Izbranny vyzhit' [Chosen to Survive]*. Moscow: Ripol Classic Publ. (In Russ.)

Harsanyi, J. C. (1975). Can the Maximin Principle Serve as a Basis for Morality? A Critique of John Rawls's Theory. *American Political Science Review*, 69(2), 594–606. <https://doi.org/10.2307/1959090>

Helmedag, F. (2003). A Fair Wage: Standards and Facts. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Journal of the Ural State University of Economics]*, (7), 21–31. (In Russ.)

Helmedag, F. (2003). Faire Löhne: Normen und Fakten. *Perspektiven der Wirtschaftspolitik*, 4(1), 17–28. <https://doi.org/10.1111/1468-2516.t011-1-00003>

Helmedag, F. (2019). Marx and Keynes: From Exploitation to Employment. *European Journal of Economics and Economic Policies: Intervention*, 16(2), 260–271. <https://doi.org/10.4337/ejeep.2019.0048>

Jeffrey, D. L. (1996). *People of the Book: Christian Identity and Literary Culture*. Eerdmans.

Jevons, W. S. (1924). *The Theory of Political Economy*. Macmillan.

Lenin, V. I. (1973). Tri istochnika i tri sostavnye chasti marksizma [The Three Sources and Three Component Parts of Marxism]. *Collected Works. Vol. 23*. 5th Edition (pp. 40–48.) Moscow: State Publishing House of Political Literature. (In Russ.)

Levin, G. D. (2005). *Problema universalii. Sovremennyy vzglyad [The Problem of Universals. Modern View]*. Moscow: KANON+. (In Russ.)

- Makh, E. (2003). *Poznanie i zabluzhdenie. Ocherki po psikhologii issledovaniya [Knowledge and Error. Essays on Psychology Research]*. Moscow: BINOM. Laboratoriya znaniy Publ. (In Russ.)
- Marx, K. (1960). *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. T. I. Kniga I [Capital. A Critique of Political Economy. Vol. 1. Book 1]*. Sochineniya [Selected Works]. Vol. 23 (pp. 5–907). Moscow: State Publishing House of Political Literature. (In Russ.)
- Marx, K., & Engels, F. (1955). *Nemetskaya ideologiya [The German Ideology]*. Sochineniya [Selected Works]. Vol. 3 (pp. 7–544). Moscow: State Publishing House of Political Literature. (In Russ.)
- Mills, C. W. (2017). *Black Rights/White Wrongs: The Critique of Racial Liberalism*. Oxford University Press.
- Neretina, S. S., & Gurtsov, A. P. (2006). *Puti k universalizatsii [Paths to Universals]*. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy. (In Russ.)
- Nozick, R. (1993). *Anarchy, State, and Utopia* (pp. 183–231). Blackwell Publishers.
- Nureev, R. M. (2011). *Kurs mikroekonomiki [The Course of Microeconomics]*. 3rd Edition. Moscow: NORMA Publ., INFRA-M Publ. (In Russ.)
- Rawls, J. (1995). *Teoriya spravedlivosti [A Theory of justice.]*. Translated from English and preface by V. V. Tselishchev. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ. (In Russ.)
- Rubinstein, A. Ya. (2008). *K teorii rynkov “opekaemykh blag” (nauchnyy doklad) [Toward the Theory of Markets for “Protected Goods” (scientific report)]*. Moscow: Institute of Economics of the RAS. (In Russ.)
- Samuelson, P. A. (1969). The Pure Theory of Public Expenditures and Taxation. In J. Margolis and H. Guitton (Eds.), *Public Economics*.
- Schultz, B. (2023). Henry Sidgwick. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. In Edward N. Zalta, Uri Nodelman (Eds.). <https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/sidgwick/> (Date of access: 25.01.2024).
- Sen, A. (2009). Rawls and Beyond. *The Idea of Justice* (pp. 52–74). New York: Belknap Press (Harvard University Press).
- Shmanske, S. (1991). *Public Goods, Mixed Goods, and Monopolistic Competition*. College Station: Texas A&M University Press, 225.
- Sorokin, T. A. (2010). Good as Economic Category in Modern Economy. *Vestnik SGSEU [Vestnik of Saratov State Socio-Economic University]*, 3(32), 24–26. (In Russ.)
- Stiegler, B. (1998). *Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus*. Stanford University Press.
- von Delhaes, K. (1993). Organising the Supply of Public Goods in the Transition Process. *Communist Economies and Economic Transformation*, 5(1), 87–101. <https://doi.org/10.1080/14631379308427746>

Информация об авторе

Дятел Евгений Петрович — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра экономической теории, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-4383-8060> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: dyatel1942@mail.ru).

About the author

Evgeny P. Dyatel — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Leading Research Associate at the Center for Economic Theory, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-4383-8060> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation, 29; e-mail: dyatel1942@mail.ru).

Дата поступления рукописи: 20.02.2024.

Прошла рецензирование: 11.03.2024.

Принято решение о публикации: 06.06.2024.

Received: 20 Feb 2024.

Reviewed: 11 March 2024.

Accepted: 06 Jun 2024.